

УДК 316.772.5: 165.62

Батаева Е. В.

ВЛАСТЬ СЕМИОТИКИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

У статті досліджено процес семіотизації кіберпростору, одним із проявів якого стає формування нових схем соціальної стратифікації кіберакторів за мовним принципом. Представниками «вищого кіберкласу» стають актори, що добре володіють кіберсленгом, у той час як у нижчі класи потрапляють «новачки», що не володіють кіберкомпетентністю.

Ключові слова: кіберпростір, семіотизація, соціальна стратифікація, індексні вирази.

В статье исследуется процесс семиотизации киберпространства, одним из проявлений которого становится появление новых схем социальной стратификации киберакторов по языковому принципу. Представителями «высшего класса» становятся акторы, хорошо владеющие киберсленгом, тогда как в низший класс попадают «новички», не обладающие киберкомпетентностью.

Ключевые слова: киберпространство, семиотизация, социальная стратификация, индексные выражения.

The paper studies the process of cyber-space semiotization. One of its features is appearance of new schemes of social stratification according to language. Those actors become representatives of «high class» that are able to use cyber-slang whilst the lower class is represented by «new-comers» not having cyber-competence.

Keywords: cyber-space, semiotization, social stratification, index expressions.

Постановка проблеми. Одной из наиболее актуальных тем современной социальной философии становится тема виртуализации современного общества и социализации виртуального пространства. Процессы, происходящие в виртуальном мире, обладают определенной спецификой, хотя в то же самое время в них воспроизводятся поведенческие структуры, характерные для «реального» социального мира (например, стратификационные структуры, властно-иерархические модели взаимодействия). Одной из центральных особенностей виртуальной социальной жизни, по мнению многих исследователей, является ее текст-ориентированность: абсолютно все формы социальных манифестаций, представленные в Интернет-пространстве, выражены либо посредством вербальных, либо посредством невербальных (визуальных) текстов («смайлики», жестовые, предметные, иконические

символы). Так, согласно С. Томсену, Д. Стробхаару, Д. Больярду (Steven R. Thomsen, Joseph D. Straubhaar & Drew M. Bolyard), «on-line сообщества презентуют себя исследователю исключительно посредством текста. Этнограф может наблюдать поведение людей, имея дело только с их текстовыми сообщениями на форумах. Любое поведение вербализируется в форме текста. Не существует других артефактов для анализа, кроме текста» [1]. Семиотизация виртуального пространства, его сориентированность на знаковые формы презентации социальных значений требует тщательного философского, социологического, культурологического анализа, нацеленного на обнаружение социальных кодов (программы), управляющих процессами знаковой коммуникации. Актуальность изучения процесса семиотизации виртуального пространства заключается в необходимости социально-философского осмысления специфики новой формы социального существования, обнаруживаемой в киберпространстве, которая может оказывать определенное воздействие на реальную социальную жизнь. Поскольку термин «виртуальное пространство» является слишком многозначным и применимым к самым разным планам человеческого существования (в которых присутствует параметр потенциальности, неактуализированности, недоволощенности существования), то в данной статье будем использовать термин «киберпространство» (или пространство компьютероопосредованной коммуникации), который чаще употребляется в западной виртуалистике [2, с. 188].

Степень разработанности проблемы. Анализ текстовой сориентированности киберкоммуникации можно обнаружить в трудах таких западных и отечественных исследователей, как С. Томсен, Д. Стробхаар, Д. Больярд, К. Турлоу, Л. Пакканьелла, А. Ноцера, Д. Бортри, Д. Квентин, П. тен Хаве, Я. Андруцопулос, Д. Янг; Е. Горошко, С. Коноплицкий, Н. Корытникова. Изучением властных интенций семиотических текстов занимались М. Фуко, У. Эко, Ю. Кристева, Р. Барт. В данной статье будут представлены результаты философского анализа семиотических форм репрезентации властных практик в киберпространстве.

Целью статьи является описание особенностей процесса семиотизации властных практик, используемых в киберпространстве; объяснение, каким образом могут сочетаться в киберизмерении взаимоисключающие формы социальности (такие, как эгалитаризм и властное принуждение индивида).

Изложение основного материала. Одной из характерных особенностей киберкоммуникации является физическая непредставленность киберакторов друг другу: участники киберобщения не видят друг друга, не могут наблюдать ситуативных мимических реакций друг друга и, соответственно, не имеют возможности выяснить, насколько искренними являются высказывания

«визави». Безтелесное киберкоммуницирование разворачивается на одном уровне – семиотическом уровне знаковых манифестаций. Таким образом, киберпространство может быть названо царством семиотики, общение в котором осуществляется посредством знаков, символов, языковых кодов. Властные интенции семиотики проявляются в феномене дифференциации киберакторов на «своих» и «чужих» по языковому принципу. «Свои» опознаются по степени владения сленговой техникой, кибержаргоном, который постоянно обновляется, постоянно пополняется новыми терминами, понятными только для тех, кто регулярно посещает сетевое пространство и, возможно, сам участвует в производстве нового киберязыка. Напротив, «новичок» мгновенно распознается по его непониманию киберсленга (а соответственно, и по неспособности «на равных» коммуницировать с «бывалыми» гражданами сетевого пространства).

Таким образом, в киберпространстве можно наблюдать ситуацию очищенной, «рафинированной» семиотической стратификации, производимой по языковому признаку. Стратифицирование социальных акторов на знаковой основе не является абсолютным новшеством с исторической точки зрения. Согласно Ж. Бодрийяру, в современном обществе потребления именно знаковая реальность, именно символический обмен знаками потребления дифференцирует акторов на высший и низший классы: обладание *знаками* престижного потребления – дорогими машинами, эксклюзивной одеждой, особняками в престижных районах – виртуально приобщает социального актора к высшему классу, несмотря на то, что по объективным показателям (таким, как образование, социальный статус, доходы, наличие «престижных» социальных связей) он может не входить в состав элиты. Итак, в современном обществе стратификация акторов осуществляется по критерию обладания / необладания «знаками» богатства, приобретение которых превращается в смысл жизни. «Никогда не потребляют объект в себе (в его потребительской ценности) – всегда манипулируют объектами как знаками, которые отличают вас, то ли присоединяя вас к вашей собственной группе, то ли отделяя вас от нее и присоединяя к группе с более высоким статусом» [3, с. 87].

Очевидно, что в обществе потребления знаковые стратификационные различия становятся материализованными, внешне наблюдаемыми. Знаки статусного потребления приобретаются за деньги и вполне зримо дифференцируют акторов на богатых и бедных. Что же касается знаковой дифференциации, практикуемой в киберпространстве, то ее «новизна» заключается в абсолютной дематериализованности. Ее логика, возможно, еще остается потребительской по своей сути (поскольку киберсообщения можно по своему желанию потреблять либо выбрасывать в мусорную корзину), однако

освобождается от экономически маркированных критериев принадлежности к классу богатых или бедных (пользование Интернетом на сегодняшний день доступно практически всем «желающим», которые могут войти в Сеть либо через собственные, либо через публичные компьютерные сети – Интернет-кафе).

Примечательно, что в историческом прошлом имели место случаи социального различия акторов по языковому признаку, когда, к примеру, владение «светской» речью, умение грамотно и изысканно излагать мысли расценивалось как *знак* принадлежности к высшему обществу (в то время как неграмотная, «мужицкая» речь воспринималась как *знак* низкого происхождения). Более того, подобный интерес к языковым маркерам статусных различий является характерным для обществ практически всех исторических эпох. Однако если ранее дифференциация на языковой основе воспринималась лишь как дополнение к экономически-родовой дифференциации, то в киберпространстве она становится доминирующей. Дифференциация киберакторов на социальные группы в зависимости от стажа пребывания в Сети, специфику которой пытался выявить С. Коноплицкий [2, с. 173], напрямую связана с языковой дифференциацией: «старожила», виртуозно владеющие тонкостями кибердискурса, всячески пытаются дистанцироваться от «новичков», обнаруживающих себя слабой кибердискурснастроенностью).

Дифференциация киберакторов по чисто языковому признаку, по символическим знакам знания или незнания киберсленга, с одной стороны, может быть расценена как свидетельство эгалитаризации пространства киберкоммуникации. С другой же стороны, подобное акцентирование семиотико-языковой составляющей социального взаимодействия киберакторов может обернуться новой формой социальной репрессии – репрессии через язык, репрессии посредством языка, описанной М. Фуко: «Дискурс – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [4, с. 52].

Опишем некоторые формы социально-семиотических репрессий, которые можно обнаружить в чатах (чат – одна из наиболее популярных среди молодежи форм киберкоммуницирования, осуществляемого в реальном времени on-line, в котором одновременно может принимать участие большое количество социальных акторов). Примечательно, что если в аристократических обществах семиотические репрессии могли быть применены к тем, кто не владел техникой правильной речи, то в киберпространстве, наоборот, остракизму может быть подвергнут тот, кто подчеркнуто «правильно» формулирует свои мысли, не применяя сленговых оборотов и кибержаргонных слов.

Репрессивными семиотическими функциями в киберпространстве наделен модератор («модератор – ответственное лицо, назначенное либо выбранное на основании голосования, основной задачей которого является слежение за тем, чтобы статьи, отправляемые в модерлируемую группу, находящуюся в ведомстве указанного лица, соответствовали тематике группы и не несли в себе оскорбительных суждений и материалов» [2, с. 176]), от субъективных установок которого зависит мера жесткости по отношению к высказываниям киберакторов. Теоретически модератор может отстранить от чат-общения как тех, кто позволяет себе оскорбительные выпады против чат-партнеров, так и тех, кто по его собственным (и часто субъективным) впечатлениям излишне смело / дерзко мыслит (или просто «мыслит не так»), кто своими высказываниями нарушает «порядок» (или угрожает его нарушить). Выяснение же того, чем является «порядок» и, соответственно, что является его нарушением, целиком находится в ведении модератора или администратора сайта.

Попробуем описать некоторые сложности, сопутствующие семиотизации киберпространства. Семиотически оформленные сообщения требуют больших усилий по восстановлению контекста высказанного (который в ситуации устной коммуникации является очевидным, а потому и не требующим дополнительной работы по его осмыслению), по обнаружению истинных намерений собеседника (которые в ситуации устной коммуникации могут быть прочитаны по лицу, жестам, положению тела собеседника). «Написанные предложения должны „дать увидеть“ читателю множество вещей, знание о которых при устной коммуникации можно было бы предположить» [5, с. 91].

Любая повседневная коммуникация (в том числе и чат-коммуникация) содержит индексные и объективные высказывания. «Индексные выражения – это выражения, смысл которых не может быть понят слушателем без знания биографии и целей того, кто их использовал, без знания предшествовавшей этим выражениям беседы» [6, с. 14–15]. Объективные же высказывания становятся понятными независимо от контекста, поскольку содержат в себе максимум информации. Коррекция индексных выражений и преобразование их в объективные высказывания [6, с. 37–38] может быть названа одной из основных задач социальной герменевтики, занимающейся исследованием коммуникативных процессов (эта же задача признана основополагающей и в этнометодологии – относительно новом научном направлении современной социологии, сформировавшейся на методологической базе феноменологической социологии А. Шютца). Если попробовать дать «этнометодологическую» оценку киберкоммуникации, то станет очевидным преобладание в ней индексных, а не объективных высказываний. Понять индексные высказывания можно исключительно в том случае, если попытаться

восстановить контекст, смысловой фон коммуникации. Однако в случае киберкоммуникации могут возникнуть определенные трудности с восстановлением контекста разговора. В контексте живого (а не компьютероопосредованного) общения лицом к лицу восстановить истинное, объективное значение высказываний можно в том случае, если «искать, что собеседники имели в виду действительно, а не предположительно, (при этом) придется ссылаться на наблюдаемые действия, совершаемые собеседниками, для того чтобы создать основания для своих претензий на „реальность“; (для этого) необходимо видеть, как говорит (собеседник)» [6, с. 38–39]. Однако в случае киберкоммуницирования «видение того, как говорит» собеседник, а также «наблюдение совершаемых собеседником действий» становится практически неосуществимым, соответственно, и восстановление контекста индексных кибервысказываний становится крайне затруднительным. Остается единственная возможность: восстановить значение индексных кибервысказываний, исходя из контекста предшествующего чат-разговора. Понятно, что подобная процедура является достаточно энергозатратной, требует от социальных акторов дополнительных интерпретационных усилий, а потому на практике может быть заменена произвольным восстановлением значений сообщения, исходя из собственного понимания ситуации. Подобная произвольность интерпретационной активности киберакторов может только усилить эфемерность и призрачность чат-коммуницирования.

Выводы. Можно выделить следующие особенности киберкоммуницирования. Во-первых, существует определенное противоречие в кибервзаимодействии: с одной стороны, киберакторы наделяются уникальной возможностью экспериментировать с собственной идентичностью, заниматься речетворчеством (описание этих киберпрактик можно обнаружить в работах Е. Горошко); с другой стороны, в киберпространстве могут использоваться крайне жесткие, репрессивные формы воздействия на акторов, поведение которых воспринимается модераторами как «неправильное».

Во-вторых, в киберпространстве сформировались новые схемы социального стратифицирования на основании языковых различий. Представителями «высшего киберкласса» становятся акторы, обладающие семиотической киберкомпетентностью (владеющие киберсленгом, длительное время пребывающие в киберобщении), тогда как в «низшие страты» автоматически попадают «новички», не владеющие набором семиотических знаков киберосведомленности.

Литература:

1. *Thomsen, Steven R.* Ethnomethodology and the study of online communities: exploring the cyber streets [Electronic Resource] / Steven R. Thomsen, Joseph D. Straubhaar & Drew M. Bolyard // *Information Research*. — 1998. — Vol. 4. — № 1. — Режим доступа: <http://informationr.net/ir/4-1/paper50.html>
2. *Коноплицкий С.* Сетевые сообщества как объект социологического анализа / С. Коноплицкий // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2004. — № 3. — С. 167—178.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М. : Республика — Культурная революция, 2006. — 269 с.
4. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с франц. С. Табачниковой. — М. : Касталь, 1996. — 448 с.
5. *Луман Н.* Медиа-коммуникации / Н. Луман ; пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. — М. : Логос, 2005. — 280 с.
6. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель ; пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. — Спб. : Питер, 2007. — 335 с.